

*Посвящается двадцатилетию
независимости Индии
(1947—1967)*

*Dedicated to the 20th
Anniversary of India's Independence
(1947—1967)*

U. S. S. R. ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION.
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE U.S.S.R.

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of Academician | V. V. STRUVE |
and Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the U.S.S.R.
D. A. OLDEROGGE

VOL. V.

INDIA: THE LAND AND THE PEOPLE

Edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1967

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика В. В. СТРУВЕ
и члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК V

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

Р. Р. Орбели

**К ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ
«ПУТЕШЕСТВИЯ В ИНДИЮ» РАФАИЛА ДАНИБЕГОВА**

Старая русская книга сохранила до нашего времени сочинение грузинского автора, замечательного путешественника по Азии Рафаила Данибегова (Данибегашвили).

«Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова» было издано в 1815 г. в Москве.

До последнего времени было известно, что к моменту издания книги Данибегов совершил две дипломатические поездки из Грузии в Индию. Первая, начатая в 1795 г., продолжалась почти четыре года, вторая длилась с 1799 по 1813 г. и завершилась в Москве. Р. Данибегов посетил Турцию, Индию, Бирму, Тибет, Синьцзян, Сибирь, в Индии прожил многие годы.

Литературная судьба книги Данибегова сложилась необычно. Написанная на грузинском языке, она, по желанию автора, была опубликована в русском переводе, а подлинник ее исчез и не найден до сих пор.

Первоначально, еще при жизни Р. Данибегова, интерес к «Путешествию» проявлялся более всего как к источнику сведений об Индии, позднее же преимущественно как к памятнику грузинской литературы и кавказской старины. Это были упоминания в периодической печати и научной литературе с той или иной критической оценкой, иногда с пересказом содержания. Как сочинение географического характера труд Р. Данибегова был отмечен только в 90-х годах XIX в., когда несколько строк в энциклопедии содержали высокую оценку совершенного Р. Данибеговым путешествия¹. Это краткое, но авторитетное упоминание было важным шагом к изучению книги. Правда, вскоре для «Путешествия» настала пора забвения — за время с 1905 по 1925 г. имя Р. Данибегова как путешественника и автора никем не называлось².

Начало подлинно научному интересу к путешествию Рафаила Данибегова и его описанию было положено советскими исследователями, и этот интерес уже не угасает.

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Данибегов Рафаил*, — Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 19, СПб., 1893.

² Б. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, изд. 2, Л., 1925, стр. 227—228, 231.

Можно наметить несколько этапов в изучении «Путешествия в Индию» за последний период.

Первым выступил историк грузинской литературы Тр. Рухадзе, посвятив «Путешествию» Р. Данибегова специальную главу своей книги³. Глава «Путешествие в Индию» содержит пересказ сочинения и замечание о необходимости его дальнейшего исследования как памятника грузинской литературы конца XVIII и первой четверти XIX в.

В 1949 г. историк Шота Месхиа опубликовал два обнаруженных им документа Рафаила Данибегова, имеющих прямую связь с его путешествием⁴. Находка Ш. Месхиа коренным образом изменяла оценку «Путешествия» и направляла исследователя на путь исторических изысканий: впервые был установлен факт не одного, а двух путешествий и несколько прояснились их конкретные обстоятельства. Значение находки Ш. Месхиа трудно переоценить: была создана документальная база, позволяющая начать исследование «Путешествия в Индию».

Следующим интересным звеном в изучении этого памятника явился перевод его с русского языка на грузинский, выполненный и комментированный филологом С. Иорданишвили⁵. Такая попытка восстановления оригинального текста имеет безусловный филологический интерес. Кроме того, работа С. Иорданишвили послужила популяризации сочинения Р. Данибегова в Грузии.

Очень большие заслуги в деле изучения «Путешествия в Индию» принадлежат географу Л. И. Маруашвили. Суммируя все сделанное до него, Л. И. Маруашвили первым исследует текст с точки зрения его географического содержания: уточняет некоторые пункты маршрута Данибегова, отождествляет ряд искаженных географических наименований, оценивает географические характеристики и определяет значение книги как историко-географического сочинения. К этому следует добавить, что Л. И. Маруашвили пополняет биографические сведения о Данибегове целым рядом новых архивных данных. Научные и научно-популярные очерки Л. И. Маруашвили опубликованы на русском и грузинском языках; наибольший интерес представляет последняя работа, вышедшая в 1961 г.⁶ Важным элементом этой работы является публикация текста сочинения по изданию 1815 г. и документов, найденных Ш. Месхиа (в русском переводе). Очень ценно также иллюстрированное издание «Путешествия», подготовленное Л. И. Маруашвили, в котором мы снова находим русский текст 1815 г., его грузинский перевод и документы, снабженные комментариями и картой маршрута⁷.

В 1964 г. сведения о жизни и деятельности автора «Путешествия»полнились новыми, чрезвычайно важными и интересными данными. Индолог Е. Я. Люстерник обнаружила документ, который устанавли-

³ ტრიფონ რუხადე, ქართული ეპოსი „გარდამავალი“ ხანის ლიტერატურაში, თბილისი, 1939, გვ. 110—115. (Трифон Рухадзе, *Грузинский эпос в литературе «Переходного периода»*, Тбилиси, 1939, стр. 110—115).

⁴ შ. მესხია, რაფიელ დანიბეგაშვილი, „ლიტერატურა და ხელოვნება“, 1949, № 45. (Ш. Месхиа, *Рафаил Данибегашвили*, — «Литература и искусство», 1949, № 45).

⁵ რაფიელ დანიბეგაშვილი, მოგზაურობა ინდოეთში, თარგმანი, წინასიტყვაობა და დამატებანი შენიშვნებითურთ ს. იორდანიშვილისა, თბილისი, 1950. (Рафаил Данибегашвили, *Путешествие в Индию*. Перевел и снабдил предисловием, примечаниями и приложениями С. Иорданишвили, Тбилиси, 1950).

⁶ «Путешествие Рафаила Данибегашвили». Очерк, комментарии и библиография доктора ист. наук Л. И. Маруашвили, М., 1961.

⁷ რაფიელ დანიბეგაშვილის მოგზაურობა, თბილისი, 1963. («Путешествие Рафаила Данибегашвили». Перевод, редакция, примечания, библиография и очерк доктора геогр. наук Левана Маруашвили, с архивными документами и приложением карты маршрута, Тбилиси, 1963).

вает факт третьего путешествия Р. Данибегова в Индию в 1822—1827 гг.⁸

Три путешествия Рафаила Данибегова были вызваны различными причинами и служили различным целям. Два первых были близки по времени, но если первое полностью связано с государственными интересами Грузии, то второе, продолжавшееся после присоединения Грузии к России (1801 г.), в изменившихся условиях не могло не быть связано и с русскими экономическими интересами в Индии. В третий раз, надо полагать, Р. Данибегов отправился в путешествие как представитель России, имеющий давние деловые связи на Востоке.

Казалось бы, «Путешествие в Индию» можно прочесть и оценить и вне зависимости от биографии ее автора, однако правильное чтение этой книги возможно только при сопоставлении содержания текста со сведениями о жизни Р. Данибегова до 1815 г. Наибольшую важность для полного понимания «Путешествия», как и наибольшую трудность представляет выяснение исторических обстоятельств, послуживших причинами двух поездок Данибегова в Индию в 90-х годах XVIII века и его деятельности на Востоке.

В данной статье перед нами стоит конкретная частная задача: выявить специфику «Путешествия в Индию» как литературного произведения.

О том, как жил и чем был занят Данибегов на Востоке, книга рассказывает очень мало, но для характеристики его личных качеств может служить ее любая страница.

Мы видим в Данибегове энергичного делового человека с большим житейским опытом, просвещенного и любознательного, который активно изучает многообразные проявления окружающей жизни, в чем ему помогают острая наблюдательность и общительный характер.

Надо полагать, что Данибегов не лишен дипломатических способностей, если дважды ему доверено ответственное поручение и переговоры от имени грузинских царей. В известной мере это отражено и в книге — Данибегов умеет искусно умолчать об истинных целях своих путешествий.

Всем наблюдениям Данибегова сопутствует критическая оценка, мерилami для которой в наибольшей степени служат его практицизм, гуманность и христианские убеждения. Так он оценивает природу, быт, религию, экономическую и политическую жизнь стран и народов — все, что он видит во время пребывания на Востоке.

Данибегов радуется красоте природы, восхищается великолепием архитектурных памятников; однако эстетические интересы Данибегова подчинены практике: описывая реку, он предпочтет отметить не живописность пейзажа, а пригодна ли вода в реке для питья.

Основным критерием при оценке природы для Данибегова является возможность ее использования, так как в природе он видит основу благосостояния человека. Поэтому он непременно заметит бесплодие гор, окружающих город, водные источники, плодоносные сады, строительные и редкие деревья, добычу полезных ископаемых, морские просторы как пути сообщения и гавани, климат в его воздействии на здоровье жителей.

В быте чуждой ему среды Данибегова интересует все: жилище, костюм, пища, язык, род занятий и нравы, привычки, обычаи. Интерес

⁸ Е. Я. Люстерник, *Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в.*, М., 1966, стр. 8—9, 106. Приношу глубокую благодарность автору этой монографии за сведения, сообщенные мне до выхода ее в свет.

его к религии постоянен, и, описывая религиозные обычаи, он нередко выражает осуждение не только как ревностный христианин, но и как человек, потрясенный жестокостью, от которой его «сердце содрогается».

Приехав в новый город, Данибегов знакомится с его расположением, укреплениями, планировкой и зданиями, замечает раздельность туземных и европейских кварталов. Порою ему известна история строительства города и почти всегда история его завоевания европейцами. Особый интерес путешественника вызывают благосостояние населения и доходы правителей города, торговля, местные производства и ремесла, и многое ему становится известно — в книге приводятся конкретные цифры.

Все симпатии Данибегова на стороне Индии. Человек деловой и осведомленный (ему известна даже численность гарнизонов и денежное содержание в войсках), Данибегов понимает смысл агрессивных действий Англии и сочувствует сопротивлению Индии. Дважды с удовольствием, даже с иронией он отмечает, что все попытки англичан завоевать город успеха не имели, и с уважением описывает его защитников из «простого народа».

Но и в коренном населении Индии Данибегов различает имущих и неимущих, он видит выгоды «начальников» всех степеней и положение бесправных, осуждает жестокость богачей по отношению к бедному люду и высмеивает чинопочитание.

Данибегов умеет увидеть и понять социальное неравенство в среде местных жителей и подлинную роль британской колониальной политики в Индии. И на страницах его книги появляются лаконичные, но выразительные характеристики.

Книгу предваряет авторское предисловие, из которого следует, что «Путешествие» было написано в Москве. Датировать текст не трудно, если известно, что Данибегов вернулся с Востока в 1813 г., а книга была издана в 1815 г.

Сочинение было написано сразу же по приезде из Индии, когда масса ярких впечатлений еще жива была в памяти Данибегова. И все же память не могла фиксировать так долго множество разнообразных и точных сведений, собранных за длительный период. Надо думать, что автор располагал черновыми записями, сделанными на месте, и приехал в Москву или с дневниками или, скорее, с какими-нибудь не систематизированными заметками, которые и использовал, когда писал свое сочинение.

Как жил Данибегов в Москве, пока неизвестно. Скучные сведения, почти намеки, которые можно извлечь из предисловия и заключительных строк его книги, говорят о том, что, приехав в незнакомую ему Россию, Данибегов оказался в среде, как он пишет, «благодетелей», т. е. людей, оказавших ему внимание; добавим, что, вероятно, это были соотечественники-грузины, притом образованные и имевшие связи в Москве.

В 1815 г., как и ранее, культурная жизнь грузинских колоний в двух русских столицах была интенсивной и насыщенной. Разносторонние интересы грузин, жителей Москвы и Петербурга, проявлялись и в сфере научных изысканий и в сфере поэзии и художественной прозы. Чтение и переводы произведений русских и западных авторов составляли одно из постоянных занятий грузинской интеллигенции.

Замечательный путешественник с его интереснейшими рассказами, естественно, мог вызвать к себе самое живое внимание соотечественни-

ков и готовность помочь ему в осуществлении литературных замыслов и издании книги⁹.

Итак, приехав в Москву, Рафаил Данибегов приступил к литературной работе. В предисловии он пишет: «По возвращении моем в отечество, желая Россиянам, моим соотечественникам, передать все мною виденное, и таким образом ознакомить их не только с теми странами, но и с их жителями, перевел сие путешествие с Грузинского на язык Российский»¹⁰. Естественно думать, что перевод был сделан не самим Данибеговым, а по его просьбе или оплаченному заказу любым из грузин, жителей Москвы, хорошо начитанным в русской литературе.

Нет сомнения в том, что подготавливая текст для перевода, Р. Данибегов не следовал каким-либо образцам, вряд ли он был знаком с литературой такого рода. Напротив, есть основания считать, что сочинение было задумано совершенно самостоятельно, и лишь в вопросах его оформления автор мог использовать советы переводчика.

Можно высказать предположение, что оригинальный текст сочинения был значительно более подробным, а для русского перевода, в соответствии со своими задачами, Данибегов подготовил сокращенную редакцию подлинника.

Несмотря на лаконичность описаний, в них чувствуется осведомленность автора; несомненно, об очень многом он умалчивает, он говорит гораздо меньше, чем знает. Текст книги свидетельствует о продуманном отборе фактов и характеристик в избранном направлении, об определенной тенденции в подаче информации. Данибегов стремится удовлетворить чей-то специальный интерес к Индии. Не случайно в своем кратком описании он находит место для сообщений о различных фактах захватнической политики Англии, о действиях британских войск и гражданской администрации, о доходах Ост-Индской компании. Несомненно, эта книга об Индии была написана не только для «Россиян» вообще, но и с целью сообщить определенный комплекс сведений русским деловым кругам.

Данибегов говорит прямо, что он рассчитывает на русского читателя, но о том, кто читал книгу в действительности, мы знаем очень немного. Между тем круг читателей «Путешествия» мог быть достаточно широк. Книга могла быть известна не только русским, но и грузинам, во всяком случае в Москве и Петербурге; однако о знакомстве грузин с книгой Р. Данибегова определенных свидетельств нет¹¹. Бесспорно, в русских официальных и деловых кругах, интересовавшихся Индией, сообщения Р. Данибегова были известны и приняты к сведению, но прямых подтверждений этого пока нет.

---

⁹ К числу московских друзей и помощников Р. Данибегова вряд ли можно отнести проф. И. А. Двигубского, как это полагает Л. И. Маруашвили («Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 48). Книга Данибегова была дозволена к печати 8 марта 1815 г. И. А. Двигубским (ординарным профессором и ректором Московского университета) «по назначению Цензурного Комитета». С 1804 г. цензурные комитеты были учреждены при университетах, и обязанности цензоров выполняли профессора и магистры. Есть ли основание думать, что представительствовавший в Комитете по должности профессор И. А. Двигубский принимал личное участие в издании книги Данибегова? Не шло ли все обычным официальным путем?

¹⁰ «Путешествие в Индию», стр. [5].

¹¹ Грузиновед акад. М. Броссе в 1837 г., упоминая «Путешествие» в числе книг ему известных, пишет: «...mes lectures ou mes rapports avec les Géorgiens de Pétersbourg m'ont fait connaître quelques... livres.» — Catalogue de livres géorgiens tant imprimés que manuscrits, anciens et modernes. — Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Imp. des sciences de Saint — Pétersbourg tenue le 29 déc. 1837, — Spb, 1838. pp. 119, 167.

Сам Данибегов придавал своей работе большое значение и постарался привлечь к ней внимание, опубликовав ее на русском языке и посвятив императору. Но заслуженного признания книга, по-видимому, не получила. Так, например, в 1825 г., когда Данибегов, как мы знаем теперь, уже в третий раз находился на Востоке, в «Азиатском вестнике» была опубликована статья «О состоянии восточной словесности в России», подписанная инициалами А. Р.¹² Автор статьи, переводчик и литератор А. Ф. Рихтер¹³, упоминая «Путешествие» Р. Данибегова, дает ему следующую оценку: «Помещенные в сем путешествии описания о странствовании Данибегова по Индии и другим странам Востока с 1795 по 1813 не заключают в себе ничего замечательного»¹⁴.

Таков был один из литературных откликов на книгу. Но теперь известно, что с приездом Р. Данибегова в Москву его деловые контакты интенсивно расширялись и через несколько лет он снова отправился в Индию. Не исключено, что в приобретении Р. Данибеговым доверия русских деловых кругов определенную роль сыграла его книга.

Изучение «Путешествия в Индию» показывает, что перед нами не путевой дневник, подвергнутый литературной обработке, и не мемуары автобиографического содержания, а литературное произведение, специально подготовленное для издания. На освещении этого вопроса необходимо остановиться.

Какими же литературными приемами пользуется Р. Данибегов в своей работе?

Прежде всего, два своих путешествия Данибегов объединяет в одно и датирует выезд из Грузии числом и годом первой поездки, т. е. 15 марта 1795 г.

Формальные цели своего путешествия Данибегов оговаривает в самом начале повествования и более к ним не возвращается. Он пишет: «1795 года, марта 15 дня, был я отправлен Грузинским царем Ираклием в Индию по следующему обстоятельству: в Мадрасе жил богатый Армянин, который ежегодно присылал Ираклию подарки. Царь в вознаграждение пожаловал ему большую деревню Лори и крепость (купчую. — Р. О.) на оную послал через меня. Приехавши в Мадрас, я не застал одного Армянина в живых: он умер за год до моего прибытия. Я вручил упомянутую крепость сыну его, находившемуся тогда в Мадрасе»¹⁵.

Это сообщение Р. Данибегова может быть прокомментировано достаточно подробно даже на данной стадии изученности материалов, относящихся к его первому путешествию. Но нас интересует вопрос датировки описанных событий.

Сопоставляя содержание текста «Путешествия» с достоверно известными событиями жизни его автора, легко можно убедиться в некоторых противоречиях, умышленном, с нашей точки зрения, искажении автором некоторых фактов.

Единственная дата, указанная Р. Данибеговым, не совсем точна: еще 2 апреля 1795 г., как следует из документа, Данибегов был в Грузии, так как в этот день он получал деньги по векселю на выезд в Индию¹⁶. Поэтому 15 марта имел место не выезд Данибегова, а, вероятно, разговор его с царем Ираклием — наказ царя послу.

¹² «Азиатский вестник», II, июль—декабрь 1825, стр. 81—116.

¹³ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, Л., 1950, стр. 121.

¹⁴ «Азиатский вестник», стр. 110.

¹⁵ «Путешествие в Индию», стр. 1.

¹⁶ «Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 69.

Еще одна хронологическая неточность в этой же части текста: Данибегов сообщает, что армянин, к которому он был послан в Мадрас, умер за год до его прибытия. Но известно, что не названный автором Шаамир Шаамирян, богатейший коммерсант и один из вдохновителей армянского освободительного движения, которым он руководил в Мадрасе и из Мадраса, умер в 1797 г. Следовательно, выехав из Грузии весной 1795 г., Данибегов еще мог застать его в живых, даже при всех трудностях передвижения в те времена и задержках в пути. Когда же, в таком случае, он прибыл в Мадрас?

В дальнейшем ни одной даты Данибегов не упоминает, а, напротив, представления о времени как бы стирает и сглаживает. Так, указывая почти всегда точно, сколько времени занял переезд из одного города в другой («Из Бомбая морем на Английском судне поплыл я в город Колумб, лежащий на острове Цейлоне, куда прибыл через 18 дней») ¹⁷, Данибегов о сроках своего пребывания в том или ином городе предпочитает говорить неопределенно («По некотором моем пребывании в упомянутом городе» ¹⁸ или «Пробывши в сказанном городе довольно времени» ¹⁹).

Хронологическая неопределенность и обязательные реплики автора о дальнейшем направлении его пути создают впечатление почти непрерывных передвижений путника из города в город по точно фиксированному маршруту ²⁰. Это придает повествованию динамичность и характеризует автора как любознательного путешественника, якобы свободного от всяких обязательств, в том числе и миссии, которая в действительности привела его на Восток. Заметим особо, что, описывая Мадрас, куда он и был направлен и где безусловно пробыл долго (к тому же он возвращался сюда!), Р. Данибегов говорит о нем не более, чем о других городах, заключая описание словами: «Из города Мадраса, по кратком моем в нем пребывании, желая ознакомиться с другими городами, отправился я морем в город Беку или Ранхун» ²¹.

Такое искажение вполне объяснимо: Данибегов сознательно старается скрыть истинные цели своей миссии в Мадрасе и подробности занятий на Востоке. В то же время он хочет сделать свою книгу занимательной: насыщенная продуманным содержанием, книга не должна иметь вид сухого отчета, а для этого автор должен найти литературную форму. И он ее находит: описание путешествия в дальние страны (форма с уже сложившейся литературной традицией) удачно совпадает с его интересами и задачами.

Объединив в одно целое два путешествия, Р. Данибегов нарушает хронологическую точность и последовательность своих наблюдений, а избрав для сочинения литературный жанр «описания путешествия» и указав маршрут, по которому он следовал в Индию, по Индии и с Востока в Россию, вводит своего читателя в заблуждение.

Читателю — современнику Данибегова — это могло быть безразлично, так как его интересовало только описание стран и народов Востока, но Данибегов на многие десятилетия ввел в заблуждение и своих позднейших читателей, которые, не располагая документальным материалом для критики, еще до недавнего времени считали, да и считают, что книга

¹⁷ «Путешествие в Индию», стр. 12.

¹⁸ Там же, стр. 7.

¹⁹ Там же, стр. 36.

²⁰ Эта цепь прерывается один раз в описании Дели.

²¹ «Путешествие в Индию», стр. 16.

эта есть буквальное отражение пребывания Данибегова на Востоке и его единственного путешествия²².

Современный исследователь, обращаясь к книге Р. Данибегова, как к историческому источнику, должен учесть хронологическую запутанность его сообщений и фиктивность маршрута, им описанного, так как этот маршрут лишь литературный прием и составлен автором для осущестления своего замысла.

Датировать пребывание Р. Данибегова в том или ином городе не всегда возможно. Но в некоторых случаях содержание его рассказов помогает приблизительной датировке, которая и подтверждает искусственность маршрута, построенного по данным не одного, а двух путешествий.

Остановимся только на нескольких примерах.

Как сказано в книге, выехав из Грузии в Мадрас в середине марта 1795 г., Данибегов после долгого странствования прибыл из Маската к берегам Индии, в Бомбей. Оттуда морским путем он отправился на Цейлон, где побывал в Коломбо и Манаре, далее проследовал в Пондишери и затем прибыл в Транкебар. Последним пунктом до прибытия Данибегова в Мадрас к цели его путешествия, датированного 1795 г., был Транкебар. Однако слова автора «Сим городом стали владеть Англичане с недавнего времени»²³ могут быть отнесены к событиям не ранее 1801 г.

Неточная передача в книге наименований некоторых географических пунктов в ряде случаев требует отождествления их с возможными действительными названиями. Работа в этом направлении, выполненная Л. И. Маруашвили, как уже было сказано, имеет очень большое значение, и все же некоторые отождествления этого автора могут казаться спорными.

Следуя за Данибеговым из города в город по указанному им маршруту, мы достигаем «Камбера», где, как он пишет, «очень много войска Английского. Сей город можно назвать прекрасною и хорошо укрепленною гаванью, к которой пристаёт множество кораблей»²⁴. Видя в «Камбере» «город Канпур (Каунпур) на правобережье Ганга выше Аллахабада: "Кампу" Филиппа Ефремова»²⁵, Л. И. Маруашвили, может быть, и ошибается. Канпур (Cawnpore) расположен в центральной части Северной Индии, а Данибегов пишет о гавани. Кажется более вероятным, что под «Камбером» следует подразумевать Камбей (Cambey), гавань в княжестве Бомбей. Если это так, то сведения Данибегова скорее всего относятся ко времени его первого путешествия, так как английскими войсками Камбей был занят еще в 1775 г., а с утверждением Ост-Индской компании (что состоялось окончательно по договору 1802 г.) город и порт постепенно приходили в упадок²⁶. Впрочем, если придерживаться мнения, что это Канпур, то этот город стал достоянием англичан лишь в 1801 г. и в таком случае сведения Данибегова могли быть собраны только во время второй поездки.

Следующий город маршрута, указанного Данибеговым, — «Фарахапат», название которого Л. И. Маруашвили справедливо ассоциирует с Фаррухабадом. В этом городе Данибегов мог быть и, вероятно, по-

²² Дж. Бейкер, *История географических открытий и исследований*, М., 1950, стр. 237, примечание переводчика и редактора И. П. Магидовича; С. А. Токарев, *История русской этнографии*, М., 1966, стр. 163 и др. Так думал и В. В. Бартольд, см. сноску 2 на стр. 240.

²³ «Путешествие в Индию», стр. 14.

²⁴ «Путешествие в Индию», стр. 33.

²⁵ «Путешествие Рафаила Данибегашвили», М., 1961, стр. 86.

²⁶ Е. Я. Люстерник, *Индийский город Камбей в XV—XX вв.*, Л., 1962, стр. 26—28.

бывал, но сведения его о том, что «сим городом без всякого сражения овладели Англичане. Он добровольно отдался под власть их; по сему Англичане платят Набабу 1600 рупий ежемесячно, как бы жалованья»²⁷, никак не могут относиться к Фаррухабаду, стены которого генерал Лейк осаждал в 1804 г. Очевидно, Данибегов имел в виду другой город, может быть, той же провинции, так как далее он называет близлежащий «Меред» (Мирут, по убедительному отождествлению Л. И. Маруашвили). Данибегов пишет: «...прибыл я в Меред, город, коим владеют ныне Англичане, и в котором находится войско их в довольном количестве»²⁸. В Мируте гарнизон англо-индийской армии был дислоцирован с начала XIX в. Следовательно, и это сообщение автора восходит к его второму путешествию.

Отсюда, по словам Данибегова, он направляется прямо в Дели, где, несомненно, он прожил долго, исправляя «должность собирать положенную в народе подать». «За сие от Царя, — пишет Данибегов, — положено было мне жалованья ежемесячно 200 рупий»²⁹. Очевидно, Данибегов поселился в Дели еще до занятия его англичанами, т. е. до 1803 г., но оставался и позднее, так как ему известно, что «Англичане, завладев сим городом, отняли у Государя прекрасный его дворец, и в награду за сию потерю назначено ему от них 100 000 рупий ежемесячно»³⁰.

Одно из интереснейших описаний Данибегов посвятил городу, искаженное название которого «Фадифур» вызывает различные толкования. С. Иорданишвили предполагал, что за искажением кроется Фирозпур. Л. И. Маруашвили, отвергая это предположение, как и возможность отождествления с городом Фатихпур — Сикри, считает, что описание относится к Агре. Конечно, нельзя исключить того, что Данибегов, подразумевая какой-либо город, мог называть его иначе, как в случае с Фаррухабадом, что «Фадифур» (также в сопоставлении с содержанием текста) подсказывает еще одно отождествление: Бхартпур (Bhartpur, Bhurtpore).

История данного искажения в русском издании вполне объяснима. Дело в том, что искажения, с которыми мы сталкиваемся в книге, могли быть и фонетическими и графическими, к тому же двоякого происхождения: в грузинской записи автора и в русской передаче переводчика. Поэтому следует себе представить, как выглядело это наименование в записи автора. Не останавливаясь на подробностях, укажем только, что в грузинском оригинале название города Bhartpur могло быть обозначено как ფარტუპურ (Партпур) и во всяком случае как ფადიფურ (Падипур), которое переводчик, имея основание счесть «ფ» заменой «ф» и передал как «Фадифур». Что касается содержания текста, то оно совершенно соответствует действительным событиям в истории города Бхартпура. Яркое описание осады крепости английскими войсками под командованием генерала Джерарда Лейка и яростного сопротивления жителей города — одна из лучших страниц книги Данибегова, ее стоит привести полностью: «Здесьний простой народ, не желая быть подданным Англичанам, избрал из самого себя владельца, который управляет им, не отнимая у него свободы. Тамошние жители рассказывали мне, что когда Англичане брали сию крепость, то, засыпав упомянутый ров землю, ставили к стенам города различные машины и как скоро ступили на них, — оне опустились в рыхлую землю, и

²⁷ «Путешествие в Индию», стр. 33.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 35.

³⁰ Там же.

таким образом остались без успеха. Простой народ воспользовался сим случаем: он, взобравшись на крепость, каким кто мог орудием действовал против Англичан и погубил великое множество. — Самые женщины, одушевляясь такою отважностью мужей своих и не могли действовать никаким военным оружием, лили кипящее масло на врагов своих. В сем сражении пало знатнейших начальников Английских 40. а простых солдат 20 000 человек; и после многих покушений, к великому стыду их, они должны были оставить свое предприятие. Главноуправляющий в сем деле Английскими войсками был Лик»³¹. Безуспешная осада Бхартпура Лейком имела место в 1804 г. (лишь в 1825 г. город был покорен Англией).

Путешествие, описанное Данибеговым, должно было завершиться в Москве. Маршрут его проходит через Тибет, Каракорум к Синцзяну и далее. Часть маршрута, начиная от Тибета до Москвы, несомненно полностью относится ко второму путешествию, это подтверждается и документами и косвенной датировкой отдельных частей текста. Каким путем Данибегов вернулся в Грузию из первой поездки, мы не знаем.

Таким образом, на основании описаний, данных Данибеговым в своей книге, невозможно установить реальную последовательность его маршрутов, пройденных им в двух путешествиях.

Это был литературный путь, по которому пошел Данибегов, создавая свою книгу для русского читателя.

Располагая только переводом, нельзя не видеть за ним руку автора, написавшую подлинный текст. В то же время, зная мастерство грузинских переводчиков, умело сочетавших точность с передачей стилистических особенностей подлинника, возможно составить себе некоторое представление как об общей манере письма автора, так и о его языке³².

Для повествования Данибегова, которое изложено в виде маленьких очерков, связанных между собой единой темой «путешествия», характерны лаконичность, насыщенность каждой главы содержанием, эмоциональная сдержанность, ясность и простота речи.

На то, что Данибегов, находясь в Индии, изучил хотя бы один из ее языков, прямых указаний нет. Но в некоторых случаях он употребляет местные названия и термины, восточные и европейские, которые переводчик сохранил и для русского издания. Таковы «фан» (бетель), «ягут» (рубин), «чисир» (понтонный мост), «балиоз» (консул), лама, брама, имам, хан, «пакет» (пакетбот), «ларт» (лорд), мануфактура, миллион, билет, церемония и др. Как и географические названия, они не всегда свободны от искажений.

Отметим, что, желая упомянуть название мадрасской крепости Fort st. George, Данибегов прибегает к помощи латинского алфавита и в книге мы видим: «*Fanet géorgi*». Может быть, это говорит о том, что, находясь в Индии, он в какой-то степени усвоил европейскую грамоту. В таком случае это новая деталь в биографии Данибегова, устанавливаемая по косвенным данным.

Пользуясь простыми средствами, Данибегов достиг большой живости изложения, и книга его обладает несомненными литературными достоинствами.

³¹ «Путешествие в Индию», стр. 37—38.

³² Лишь одну совершенно явную неточность русского перевода приводим в качестве курьеза: «Достаточные же люди пьют чай с молоком и чухонским маслом» (стр. 42). Речь идет о Кашмире, где чухонское масло, естественно, не могло быть в употреблении. Как было названо масло в грузинском оригинале, неизвестно. С. Иорданшвили с русского переводит как ႁႃႆႃ, т. е. топленое масло, но чухонское масло не было топленным.

Законченность избранной формы, лаконизм и динамичность повествования заметно отличают сочинение Данибегова от описаний путешествий, которые оставили его предшественники и современники. С нашей точки зрения эта особенность служит подтверждением того, что «Путешествие в Индию» — это продуманное литературное произведение.

Несмотря на некоторые хронологические неточности, «Путешествие в Индию» Рафаила Данибегова — ценный исторический источник, значение которого двояко: изучение его неизбежно вовлекает в круг исследований вопросы истории Грузии, Армении и России второй половины XVIII и двух первых десятилетий XIX в. Без выяснения того, какова была роль Р. Данибегова в осуществлении интересов этих стран в Индии, невозможно понять и «подтекста» этой книги. В то же время книга служит косвенным, но важным дополнением еще не до конца изученных архивных материалов.

С другой стороны, конкретное содержание сочинения Данибегова достойно пристального внимания востоковедов как источник, еще не вполне оцененный, но, по-видимому, научно-достоверный для истории и этнографии народов Азии на рубеже XVIII—XIX столетий.

Изучение жизни и деятельности Рафаила Данибегова продолжается. Его третье путешествие в Индию, установленное Е. Я. Люстерник, вызвало живейший интерес со стороны грузинских исследователей³³, и надо полагать, что усилия ученых-гуманитаров различных специальностей приведут в недалеком будущем к установлению новых фактов жизни выдающегося путешественника.

---

³³ გრ. ზარდალიშვილი, 23 წელი აზიაში, თბილისი, გაზ. „კომუნისტი“, 18 სექტემბერი, 1964, № 219 (13035). (Гр. Зардалишвили, 23 года в Азии, Тбилиси, газ. «Коммунисти», 18 сентября 1964 г., № 219 (13035).